

Пролог *СУД ЭФФА*

Тшагас смотрел, как возвращаются рабы с поля... Из-за темных построек показались их почти призрачные, в последних лучах заходящего солнца, фигуры. Рабы: сгорбленные плечи и опущенные головы, устало обвисшие руки... А какой еще вид может быть у того, кто целый день горбатится на хозяйском поле, истекая потом и изнывая от жары?.. Тшагас — тоже раб... Он взглянул на свои руки — одеревенелые мозоли, огрубелая кожа... Хотя, когда он махал мечом в Чифре, руки были не лучше. Одежда, правда, на нем совсем не та... И обувь тогда у него была, а раб — босоног.

Его перед боем от работы освободили, и он раздумывает сегодня весь день, с кем придется драться... Из этих — никто не захотел. Скорее всего, это будут крепкие ребята с западных полей, тех, что граничат с Дикими землями; тамошние рабы никогда не прочь помахать кулаками.

Вон шагает Сибо, черная громадина. Если б этот Сибо согласился попробовать себя в боях для «суда эффа», соперников ему б не нашлось. У Тшагаса всегда челюсть отвисает, когда он видит, как Сибо ворочает булыжники. А как корчует пни! Но чернокожий сам себе на уме, молчит целыми днями, будто без языка родился. И драться никогда не станет — вера в каких-то богов запрещает ему. Он покорный, что вол... Прирожденный раб. Ну, не он один такую жизнь предпочитает смерти от зубов эффа.

Вот, к примеру, рыжий кутиец — вымахал достаточно, ему нет двадцати, а уже почти догнал Сибо. Скорее всего, не настоящий он кутиец. Где это видано, чтобы рыжие воины, известные своей свирепостью, безропотно пахали на хозяйском поле?! Скорее всего, какой-нибудь арайский мечник при за-

хвате Куты изнасиловал его огненноволосую мамашу, а потом продал, выдавая за беременную кутийцем... Но как бы там ни было, а часть этой их горячей крови в парне должна течь. Наверняка когда-нибудь и он попробует уйти живым с «суда эффа»: может, уже в следующий раз, через три года...

А дружок его — слабак. И имя у него подходящее: Рохо — «птенец». Взгляд, правда, у него тяжелый, острый, что годжийский клинок, и глаза, сожри его эфф, зеленые, как у кошки... Тариец! Никто об этом ни слова, но Тшагаса не обманешь — уроженца великой Тарии он узнает из тысячи. Однако эффа-то взглядом или происхождением не остановишь...

А вот Марз — северянин, с самого настоящего севера по ту сторону Хребта Дракона. Из страны, где холодно круглый год и твердая вода падает с неба. Северянин тоже терпит: как только надсмотрщики к'Хаэля над ним ни измываются — Марз терпит.

Боятся... Все они боятся. Страх больше, чем недовольство, больше, чем боль, больше, чем тоска по родным местам... Эффов и свободные боятся, но рабы — особенно, этих зверей и вывели специально, чтобы идти по следу беглых. Эфф никогда не вернется к хозяину без головы того, за кем его послали.

А он — Тшагас, боится? Тшагас содрогнулся, представив эту тварь — эффа. Похожий на огромного пса, размером со льва, только лишенный шерсти, с желтыми пронзительными глазами и клыками длиной с ладонь, торчащими наружу. От затылка растет кожистый воротник с шипами по краю... Он и одной лапой может перебить хребет, а в пасть легко входит голова добычи. Щелкнет зубами — и нет у тебя больше головы...

Но до этого далеко. Еще не завтра... Чтобы попытать своего счастья, использовать свой сомнительный шанс добыть ошейник эффа, а с ним и свободу, нужно еще победить в боях. В Аре существует закон: тот, кто предъявит ошейник эффа — вольный человек, и никто никогда не смеет опять обратить его в рабство. А чтобы ошейник с эффа снять — нужно его прежде убить. А можно ли эту тварь вообще убить?

Тшагас отогнал такие мысли. Потом... потом. Прежде нужно побороться с теми, кто, как и он, три года готовился, чтобы попробовать покончить со всем этим... Ведь перед тем как зверь отгрызет тебе голову и сожрет тело, ты, как победитель боев, проведешь «неделю в раю».

Самого лучшего, крепкого, сильного, ловкого, побившего

перед лицом к'Хаэля всех своих соперников, ждут семь дней неги и роскоши. Комнаты с настоящей купальней... Кушанья. Мясо, вино. Как же давно не пил он вина? Да и мяса давненько не ел... Мягкая постель вместо соломенного тюфяка. Женщины... Семь рабынь-красавиц, по одной на каждый день. А хозяин-то хитер — потом пара красавиц из этих семи родят для него новых крепких рабов... Победителю станут прислуживать и кланяться, как к'Хаэлю. Смоют его многолетний пот, перемешанный с кровью... оденут в роскошные одежды вместо этого грубого льняного вретипа... даже обувь дадут... Тшагас пошевелил черными заскорузлыми пальцами на босых рабских ногах. Он — и в обуви! В последний раз ноги его были обуты в Чифре... в тот день... Сколько же лет прошло? Он и счет потерял... Ну да хватит — нажился в рабстве...

«Неделя в раю» — вот почему находятся желающие принять участие в «суде эффа»... вот для чего будут они стараться поскорее да посильнее расквасить друг другу носы. Оружия на боях, чтобы можно было драться до смерти, никто им не даст — к'Хаэль не дурак, чтобы раскидываться сильными рабами, и так одного — победителя, в любом случае он потеряет.

— Не передумал, Тшагас? — скрипучий голос старика Рулка.

Эти двое — кутиец Ого и «птенец» Рохо — как всегда, с ним: ишь, наострили уши... Щенки... У самих-то кишка тонка бросить эффу вызов. Впрочем, Тшагас и сам столько лет боялся... Думал — уж лучше живому псу, чем мертвому льву, как мудрец сказал... А теперь вот — решился, сожри его эфф... Дурацкое это ругательство, нельзя его повторять, когда идешь на такое дело... И кто только выдумал так ругаться?

— Не передумал, Рулк, — твердо отвечает Тшагас и глядит прямо в его окруженные паутиной морщин черные глаза. Он ведь не всегда стариком был — почему сам никогда не пытался? — А что передумывать-то? Опять на поле? Сдохнуть от жары? Или от голода лучше сдохнуть?

— Ну ты ж ведь не сдох за столько лет... И я живой...

«Живой он... скелет ходячий», — подумал в ответ Тшагас.

— Не сдох — так сдохнешь! Немного протянешь! Я еще не видел, чтоб раб до твоих лет доживал.

Рулк только смеется:

— А мне немногим больше, чем тебе, Тшагас. Состарился рано. И все ж предпочту умереть с головой на плечах.

— А кто сказал, что я умирать собрался? Я еще заполучу ошейник эффа и стану свободным! А после, вот увидишь, Рулк, специально собираю денег, выкуплю тебя, — уж за твои старые кости немного возьмут, — и оттыпаю тебе голову за то, что сейчас болтаешь.

Рулк опять смеется:

— На моем веку никому не удавалось заполучить ошейник. И у других я спрашивал — нет такого. Помнишь Гейшеса, что шесть лет назад пытался? Он был из Макаса, и ни одного года не задержался здесь, у Оргона — не успел еще превратиться в раба, отвыкнуть от оружия. В первый же «суд эффа» вызвался. Говорил — все равно помирать. Он же с малых лет в бою с топором... И что? Его голову, как и всех прочих, положил эфф перед к'Хаэлем Оргоном.

— Я ведь тоже не хозяйская нежная дочка, Рулк! — рассердился Тшагас — и так на душе паршиво, тут еще и Рулк со своими поучениями... — Я сражаюсь с двенадцати лет!

— Сражался! А сколько лет твои руки меча не держали? — Тшагас прикусил язык до крови, ощутил железный привкус во рту; вот ведь скажет же... А Рулк продолжал: — Глупо это — надеяться, что одолеешь тварь. Она тебя перекусит, как сахарную косточку... Я слышал, что когда эфф взбесился у одного к'Хаэля, его три дюжины вооруженных воинов с трудом положили. А скольких он убил перед тем?

— Ладно, Рулк! Лучше уж молчи. Я уже решил. Да и бой уже никто не отменит, — пробормотал Тшагас. Этот Рулк слишком много для раба знает, на все-то у него ответы есть. Кем он был до рабства? Обо всем рассказывает, да только не об этом. — Могу я предпочесть быструю смерть медленному дыханию? Могу! Вот и молчи, пока зубы целы! Хотя... для тебя это уже не угроза...

— Да зубы у меня — что надо! — Рулк махнул рукой и отправился в барак — спать.

Ого с Рохо о чем-то там шепчутся. А вот и песню затянули... Поют, эффовы байстрюки, хорошо! С такими-то голосами улаживать слух благородных, а не петь так... в никуда... в темноте... как волк на луну воет...

Отчего-то Тшагас вдруг разозлился на них. Молодые. Трусливые. Сидят тут под деревом, поют... будто и не в рабстве! Неужели не устали за день! Он встал и направился в барак: нужно

выспаться перед боем; по пути Тшагас не удержался и пнул ногой Рохо:

— Чего распищался, птенец? Думать мне мешаешь!

Друг его, кутиец Ого, вскочил было, но Рохо схватил его за рукав, а Тшагаса одарил ледяным взглядом, — не глаза у него, а годжийские клинки, не должно быть у раба таких глаз...

Дни его убегали, как вода между пальцами... Вот уже и пятая рабыня пришла. Пятый день...

Тшагас лениво махнул девушке, чтоб она подала ему вина.

Черноволосая, не знакомая ему. Она откуда-то с северных владений Оргона. Лицо ему не очень нравится, особенно после той, что была вчера — у вчерашней пухлые соблазнительные губы и огромные глаза, а у этой слишком большой нос, но зато и грудь побольше будет... И улыбается она; вторая — так и вообще плакала. Никогда с мужчиной раньше не была. Вторая худенькая, как молодое деревце. Третья — пухлая красотка, какой и должна быть арайская девушка. Но у к'Хаэля Оргона не одни арайки — кого у него только нет, со всего света их собирает.

Запомнит он этих семерых, если выживет?.. если выживет. Первую он уже почти забыл. Он так напился с непривычки в первый день, что мало понимал... Глаза у нее, кажется, серые... или голубые... или черные...

Пятый день уже пьет, а все никак не утолит жажду. А к женщинам уж не тянет так, пусть эта длинноносая подождет.

У него только два дня осталось... два дня... и три ночи. А пять он уже растранижил...

Тшагас был уверен, что победит, когда дрался с соперниками. Он имен их не знал. Не так много в этот раз желающих. Ему самому пришлось драться в три захода. Первый его противник — широкий, но низковат, неповоротливый — такому, главное, в захват не попасть. Он свалил его подножкой, хоть и не с первого раза, и локтем впечатал его нос в череп. Тот хрипел, из носа лилась кровь, руками махал, но встать так и не смог. Поделом!

Второй дрался вполсилы, поглядывая то и дело на Куголя Аба — старшего смотрителя эффов у Оргона; тот стоял весь в красном, и рядом с ним лучший эфф — Угал, в таком же красном ошейнике. Здоровенная зверина, больше обычного. Мерз-

кий, и запах от него неприятный... Белесая кожа в складках, желтые зубы, ярко-оранжевый язык, что высунут от жары. Когти — гигантские шипы. Хорошо хоть не Угала пошлют за победителем, а молодого эффа, что первый раз будет убивать... пытаться убить.

Тшагас содрогался, когда взгляд его падал на Угала, а второй его противник на эффа смотреть и вовсе боялся, поэтому и поглядывал на Куголя... И побеждать не хотел — передумал вдруг, хоть и выиграл в предыдущем бою. Поэтому свалился от одного тычка в пах и больше не поднимался, чем и недовольство к'Хаэля вызвал. Если уж решил драться — дерись! А боишься эффа — так сиди и не рыпайся!

А вот последний чуть самому Тшагасу шею не сломал. Он был здоровый, крепкий. Дрался, правда, не как воин — как раб. Ему бы хоть раз побывать в настоящем бою, где до смерти сражаются, а не за право... умереть от зубов эффа. Этот Тшагаса измотал. И тело до сих пор от его тычков ноет... всю радость от «недели в раю» эта боль портила. А еще больше портило то, что время не остановить.

Очень скоро Куголь Аб с бесстрастным, как всегда, лицом, возьмет Права на Тшагаса — маленькую деревянную коробку, на крышке которой начертано его имя, а внутри в небольших специальных углублениях — прядь его волос и немного крови, обращенной в твердую красную горошину.

На каждого раба у хозяина есть такая коробочка, и находится она в специальной Комнате Прав, которая очень хорошо охраняется. Права заводили при рождении раба или при обращении свободного в рабство. Права на Тшагаса сделал один арайский командир, захвативший их отряд в плен тогда... в Чифре... Кровь у него он взял прямо из свежей раны в предплечье от арайской стрелы... Сколько лет назад это было?.. Волосы его в Правах — еще без седины...

Каждый рабовладелец старался завести себе хотя бы одного эффа. Без эффа Права — формальность, а не средство управления. С эффом — любой, кто посмеет бежать, будет жестоко покаран. Если у хозяина есть эфф — бегство означает смерть.

А у к'Хаэля Оргона эффов больше трех дюжин. Он разводит их и торгует этими тварями. Он гордится лучшими эффами в Аре.

Когда необходимо было поймать беглеца — из Прав извлекались волосы и кровь раба. Кровь скармливали зверю, а воло-

сы помещали в специальный мешочек на ошейник. Никто точно не знал, но все догадывались, что именно этот ошейник, непростой ошейник заставляет эффа бежать по следу столько, сколько потребуется, не забывать запах и не терять след того, за кем его послали. Не есть и не пить до тех пор, пока не насытится плотью убитого раба и не напьется его кровью. Но как бы ни был голоден эфф, как бы ни терзал он тело настигнутого, голову он всегда принесет хозяину нетронутой, как доказательство выполненной работы.

Лучшие убийцы — эти эффы... И лучшие сторожа, хотя и не бодрствуют на посту день и ночь. Для раба достаточно знать, что эфф у хозяина есть: убежишь — умрешь. Эфф найдет тебя в поле и в городе, найдет... сожрет... а голову принесет к'Хаэлю.

Только у Тшагаса, в отличие от беглых, будет меч, какой он сам себе выберет. Он — не заяц, который только и может, что бежать от гончей — он хорек, он еще погрызается этой твари в морду... Может, удастся все-таки уйти? Может, Создатель смиляется над ним... Ведь он был когда-то воином... ведь знает, как держать меч... И эффа пустят молодого, без опыта... и фору ему дадут — шесть часов... Может, и сохранит он свою голову на плечах...

Что ж так больно и тоскливо на душе?

Тшагас обернулся к пятой девчонке, поманил ее, и она пришла, призывно покачивая бедрами... Он ухмыльнулся — ей есть за что простить длинный нос...

— Пойдем, Орленок, — сказал хрипло с тоской в голосе старик Рулк. Он всегда так называл Рохо. И это имя тому нравилось намного больше, чем рабская кличка. Своего настоящего имени Рохо не знал, — эфф вернулся...

Старик кивнул на столб сигнального дыма на западе — туда побежал Тшагас и оттуда возвращается посланный за ним эфф. С головой, конечно... И хотя Тшагаса Рохо недолюбливал, да и тот его не жаловал, но все ж сколько лет они в рабстве вместе... Они все здесь, что братья. Живут под одной крышей, работают на одном поле, едят одну и ту же еду, спят в общем бараке для мужчин. Женщины и дети — в отдельном. Жаль Тшагаса... Жаль...

Рохо бы не пошел. На что смотреть? На то, как зверь полужит перед к'Хаэлем мертвую голову? Но всех рабов, что были в

окрестностях и могли видеть сигнал, заставляли присутствовать при этом.

Остальные рабы на поле, заметив дым, складывали свои мотыги, и один за другим цепочкой шли к дороге, ведущей к поместью хозяина. Рулк еле волочит ноги, он все слабее и слабее с каждым днем. Ему бы больше отдыхать и есть получше... Рохо и так старался на поле сделать за него больше работы, делился с ним лепешками, что раздавали на обед. Когда-то старик Рулк тоже так делал — для него, когда он был мал, глуп, беспомощен... А сейчас? Он такой же птенец, как и тогда...

Рохо шел медленно, подстраиваясь под шаг старого Рулка, и они оказались почти в самом конце. Позади семенила беременная Михи, она уже скоро родит, а все ж наравне с другими работает по такой жаре. Михи еще младше его, ей лет четырнадцать, если не меньше... А отец ребенка — надсмотрщик, он насиловал ее почти каждый день... И никто ничего сделать не мог... Этот папаша теперь даже не смотрит в ее сторону, и послабления в работе ей не дает. Хоть бы какую лишнюю лепешку выделил...

А куда это делся Ого? Вот уж лис! Неужели воспользовался суетой по поводу этого «суда эффа» с участием Тшагаса и опять пристает к Михель? Не кончится это добром... Михель — игрушка хозяйского сына.

Они брели под палящим солнцем, все больше и больше отставая от других, Рохо еще сбавил шаг, чтобы помочь, если потребуется Михи. Марз, северянин, страдая от жары, тоже шел медленно. Он остановился и подошел к беременной, предлагая опереться на его руку. Михи благодарно улыбнулась тому в ответ, и Рохо, понимая, что его помощь уже не нужна, легко догнал Рулка.

— Зачем, Рулк? — спросил Рохо. — Зачем хозяину устраивать эти «суды эффа»? Ведь и так всем понятно...

— Хозяева говорят, — медленно отвечал Рулк, — «страх — честь раба». К'Хаэль кормит наш страх, чтоб мы знали — эфф непобедим! Если уж таким, как Тшагас, что побил других желающих, что имел меч при себе, к тому же умел им пользоваться, не удалось добыть ошейник — то куда нам... Не стоит и пытаться. Хозяин кормит наш страх, а эфф непобедим, — повторил старик Рулк и вздохнул. — Но ты, Орленок, однажды отсюда улетишь... улетишь, я знаю...

Старший смотритель эффов Куголь Аб, невысокий, жилистый, с лобными залысинами и седеющими волосами, крючковатым носом и каменным выражением на лице, стоит, приготовив для возвращающегося зверя угощение — широкую чашу с кровью. Его глаза всматриваются в даль, откуда придет его питомец. Возле Аба сидит Угал. Этот зверь самый страшный из них всех, самый огромный, самый опытный и сильный. Рохо бросает в дрожь каждый раз, когда он на него смотрит. От такого никогда и никто не уйдет...

Рохо услышал шепот, пробежавший в толпе рабов, он оглянулся туда, куда смотрели все. Молодой зверь, но достаточно уже большой, чтобы охотиться за людьми, бежал рысцей по тропе напрямик к помосту хозяина. Сбоку краснеет его ошейник, кожистый воротник опущен. В зубах он держит голову...

Рохо, узнав черты Тшагаса, поморщился и отвернулся.

Эфф подбежал к к'Хаэлю Оргону — седеющему мужчине со смуглым хищным лицом, сидящему на помосте, и положил перед ним свой трофей...

Куголь Аб поставил перед зверем чашу с кровью, которую тот стал лакать с наслаждением, поднял голову Тшагаса за волосы — черные с серебряными нитями, и показал всем присутствующим:

— Он не смог добыть ошейник! Суд эффа свершился!

Глава 1

БЕГЛЕЦ

Рохо

Рохо бежал по выжженной солнцем потрескавшейся земле. Его босые ноги, привыкшие и к жаре, и к холоду, и к камням, и к колючкам, послушно поднимались и опускались, отталкивались от сухой почвы и вновь поднимались для бега. Его дыхание уже начинало сбиваться, а жажда мучила все сильнее и сильнее. Солнце палило непокрытую голову, а пыль, поднимаясь из-под ног, забивала ноздри и легкие.

Рохо был выносливым. Не таким, конечно, как чернокожий Сибо, который мог целый день вращать тяжелые камни, отдыхая лишь по несколько минут, посидев неподвижно на корточках, но достаточно выносливым, чтобы дожить до семнадцати лет в рабстве.

Рохо не мог остановиться. Он пробежал последние свои шаги по этой земле, проживал последние свои мгновения. Но эти последние, такие трудные шаги, он делал не как раб — как свободный.

По его следу шел эфф.

Можно ли было убить зверя? Никто, даже хозяева-заводчики, не говорили, что нельзя. Но удалось ли кому?.. Он помнил Тшагаса и помнил его мертвую голову в руках у Куголя Аба...

В ушах Рохо звучали слова старика Рулка, сказанные когда-то его тихим скрипучим голосом: «Хозяин кормит наш страх. А эфф — непобедим».

«Эфф непобедим...» — пульсировало в голове.

Он это знал. Но он не мог больше оставаться там.... Там, где у Михи отобрали новорожденного ребенка, чтобы отдать куда-то, и не сказали даже куда: на жизнь или на смерть. А ее наильник — отец младенца, взирал на все это безразлично.

Там, где Ого продали, избив прежде до полусмерти, только за то, что он влюбился в игрушку хозяйского сына, посмел посмотреть на нее и заговорить с ней... Там, где издевались над людьми, обращаясь с ними хуже, чем с волами или овцами... Сибо надсмотрщики заставляли есть землю, избивали, требовали, чтобы он им ответил, но чернокожий великан никогда и никого не ударил, он был тверд в этом, как скала, он мог выдерживать любые страдания, но другому причинять боль не стал бы.

Марза, родившегося и выросшего в Северных землях и с трудом переносящего жару, не раз и не два оставляли обнаженным и привязанным к столбу под палящим солнцем, просто чтобы посмотреть, как покраснеет его тонкая светлая кожа... Когда его отвязывали, он был словно обваренным в кипятке. «Вареный Марз» — называли его потом надсмотрщики и смеялись... И если бы не Тисая, которая разбиралась в травах и могла лечить ожоги, Марз умер бы...

От недоедания и болезней там погибали дети, и никому не было до них дела. Вирд помнил маленького Этти, помнил его огромные карие глаза, помнил... что он хотел жить... пусть в рабстве, но жить, — другой жизни мальчик ведь не знал. Даже Тисая не смогла спасти его. Однажды его обессиленное тельце осталось лежать на соломе в бараке, а его мать погнали на работы... Когда она вернулась вечером, его уже не было, и женщина кричала и выла по-волчьи всю ночь.

Там потухли глаза людей, как догоревшие огарки свечей, потухли без надежды; от боли, от тяжелой работы, от бед, оскорблений, от того, что они были лишь собственностью, не людьми — скотом... нет, хуже скота. Кто стал бы издеваться над животным, лишь чтобы увидеть боль и отчаяние в его глазах? Но страдание раба было для хозяина и его надсмотрщиков чем-то неотъемлемым — частью их существования... Жестокий надменный хозяин — к'Хаэль Оргон, властвовал над жизнью их и над смертью.

В рабстве у Рохо были друзья, но лучше бы их не было. Видеть, как больно тому, к кому ты привязался, с кем делил хлеб и удары кнута, во много, много раз страшнее, чем смотреть на страдания чужого человека.

Ого был его другом. Больше, чем другом — братом. Его мать приняла Рохо как своего ребенка, заботилась о нем. Ого — сильный высокий парень с рыжими как огонь волосами и широкой добродушной улыбкой. Он родился в рабстве. Но его роди-

тели знали вкус свободы: отца убили, а беременную мать захватили на юге Куты, страны, ставшей частью Ары всего десять лет назад. Мать Ого говорила, что в Куте все жители рыжие и веселые. Рохо не знал других жителей Куты, но Ого и его мать Инал были именно такими.

Ого угораздило влюбиться в девчонку-рабыню, красивую черноволосую Михель с нежной кожей и огромными карими глазищами. Девушка не жила в бараке с другими рабынями. Она была куплена специально для хозяйского дома — рабыня для утех. Михель была красива и благодаря своей красоте получала от жизни больше, чем другие: вкусную еду, мягкую постель, достаточно тени в жару, она не знала, что такое жажда и тяжелая работа. Михель была игрушкой хозяйского сына, одной из любимых игрушек, а на Ого она и не смотрела. Но Ого — не из тех, кто мог смириться и ничего не предпринимать. Стоило Михель выйти из дома, как он тут как тут — вьется вокруг нее. Он как-то умудрялся оказаться там, где Михель, даже во время всеобщей работы. Ого срывал для нее цветы, Ого пел для нее песни. А он пел так, что любой заслушается. У кутийца был чудесный бархатистый голос и отсутствием слуха он не страдал. Однажды они с Рохо сами сочинили песню для Михель: «Холодная красавица» — так она называлась.

Тогда им было весело. Хотя Рохо всегда знал, что добром это не кончится. И Инал знала, она не раз предупреждала сына и хмурилась, когда он заводил речь о Михель.

В конце концов что-то произошло; что именно, Рохо не знал, но Ого вызвали на суд к'Хаэля. Его обвинили в посягательстве на хозяйскую собственность. И перепуганная девушка сама свидетельствовала против него, рассказывая, что он отлынивал от работы и не давал ей проходу, предлагая непристойное. Сын к'Хаэля, низкорослый, жирный, как боров, парень лет двадцати, потребовал смерти Ого. Но Оргон был слишком жадным хозяином, чтобы вот так лишиться молодого крепкого раба. Он приказал избить Ого и продать его.

В последний раз Рохо видел друга привязанным к столбу с исполосованной плетьюми спиной, на которую хозяйский сын заставлял Михель плескать соленую воду. Михель плескала и смеялась — а его друг... его брат... орал от боли.

Рохо так и не узнал, разлюбил ли после этого Ого Михель или нет. На следующий день его увезли к другому хозяину, и вряд ли этот другой лучше Оргона.

Рохо не помнил, как попал к к'Хаэлю. Другие говорили, что ему тогда было лет шесть-семь. Сейчас ему семнадцать. Две жизни прошло. Семь лет на свободе, которых он не помнит, и десять лет в рабстве, которые помнит очень хорошо. Их не забыть — они впитались болью, въелись отчаянием в его кровь. Каждая слезинка, каждое оскорбление, каждая рана, каждая смерть...

Там, откуда убежал Рохо, уже не было старика Рулка, который знал все на свете. Он умер, не дождавшись своего глотка воды на полуденном солнце, выбирая камни из сухой почвы нового поля. Рохо сглотнул слезы. Старик Рулк вырастил его, он научил его всему на свете: он и еще мать Ого — рыжеволосая Инал.

Рулк ослаб. Он присел прямо на землю, поджав ноги и опершись костлявой рукой о лежащий рядом камень.

— Пить... — прохрипел он, обращаясь к надсмотрщику. Рохо был в этот момент шагах в тридцати от него. Он выпрямился, бросил поднятый было камень и посмотрел в сторону, где сидел старик. — Дай немного попить...

— Еще рано! — ответил надсмотрщик, отворачиваясь от старого раба.

Рулк протянул к нему скрюченные пальцы.

— Дай мне пить... — повторил он.

— Еще не время! Работай! А то и обеда не получишь!

— Дай ему воды! — закричал Рохо.

— Кто там пицит? Птенец Рохо? — засмеялся второй надсмотрщик.

Рохо направился прямо к ним, твердо намереваясь напоить Рулка.

— Не нужно... не нужно... — хрипел старик. — Иди, сынок, работай! Не спорь с ними. Я потерплю... Я очень выносливый. Иди, прощу тебя!

— Послушай его, Рохо, и возвращайся к работе, если не хочешь, чтобы старая развалина сегодня осталась еще и без ужина.

Рохо закусил губу почти до крови и вернулся на свое место. Он поглядывал время от времени на Рулка, который полулежал, прикрыв глаза и прислонившись к камню. Его тело было ссохшимся, маленьким, беспомощным... Он думал — это хоро-

шо, что надсмотрщики хотя бы оставили старика в покое и не заставляют работать.

А когда пришло время обеда и Рохо подошел к Рулку... тот оказался мертв...

Труп его оттащили на край поля и просто бросили на растерзание падальщикам.

В ту же ночь Рохо убежал. Он больше не вмещал всего этого... У него не осталось больше в сердце свободного места для боли.

Рохо не стал дожидаться «суда эффа», он не будет участвовать в состязаниях за право убегать от зверя с оружием в руках. Все равно это бесполезно. А «неделя в раю» и дармовая хозяйская роскошь, подачка всесильного к'Хаэля ничтожному рабу — ему, Рохо, и задаром не нужна. Это будет честная свобода и честная смерть!

Шансов у безоружного, не самого сильного, не самого ловкого, не умеющего драться семнадцатилетнего парня против чудовища, которого с трудом убивали несколько десятков вооруженных воинов, — нет... Эфф сожрет его... Но все же — это его свобода!

Рохо продолжал бежать, когда слышал шелест камней, выскакивающих из-под огромных лап, тяжелое дыхание зверя за спиной. Мерзкая вонь ударила ему в ноздри. Ну вот и все... Вот и явился зверь, чтобы предъявить на него свои права. А ведь и правда — Права на него были теперь не у к'Хаэля Оргона, а у эффа. Кровь Рохо у него в брюхе, и прядь волос в специальном мешочке на ошейнике.

Кто-то говорил, что эфф убивает молча, что он очень редко издает какие-либо звуки.

Рохо не хотел, чтобы его убили молча и со спины. Он посмотрит в глаза своей смерти! Он остановился и резко обернулся, крутанувшись на босых пятках. Зверь тоже остановился, затормозив передними лапами, и фонтан пыли вылетел из-под них, опускаясь облаком на стоящих друг против друга эффа и человека. Желтые глаза твари встретились с зелеными глазами Рохо.

«Я настиг тебя, так и должно быть. И теперь я тебя убью!» — говорит пристальный злобный взгляд эффа. Но Рохо выдерживает его. Сейчас он впервые видит зверя так близко, он может рассмотреть складки лысой пегой кожи, желтые клыки, с

которых капает слюна, вывернутую верхнюю губу, обнажавшую оскал, ноздри, раздувающиеся при каждом вдохе, прижатые к черепу острые уши, чуть заметные выступающие роговые отростки на лбу. Развернувшийся веером кожистый воротник щетинится острыми шипами. Когти вонзились в потрескавшуюся землю, куцый хвост подрагивает от возбуждения.

С ужасом Рохо осознал, что это Угал — самый крупный, сильный и опасный хозяйский эфф.

«Сейчас он убьет и освободит меня», — думает Рохо. Он видит, как зверь еще больше обнажает зубы и красное нёбо... как поджимается, приготовившись к прыжку, как уши его становятся торчком, а кожистый воротник поднимается над головой, как он отталкивается задними лапами и отрывается от земли, одновременно разевая смердящую пасть, чтобы впиться в его горло...

Все это длится считанные доли одного мгновения, но не для Рохо, для него — это целая жизнь. Что-то внутри него, сжатое до сих пор в тугой крепкий узел где-то в районе солнечного сплетения, вдруг распрямляется, растекаясь волнами тепла и света по всему телу. Затем эти волны концентрируются в один направленный пучок силы и выстреливают через его правую руку, которая сама собой, напрягшись до предела, вскидывается раскрытой ладонью вперед в останавливающим жесте.

Эфф, уже распрямившийся в прыжке, с яростными навывающими глазами, склонив раззявленную пасть, едва не касаясь клыками горла Рохо, вдруг отскакивает, словно ударившись о невидимую стену...

Он рухнул на землю тяжелой грудой и взвыл от удивления, ярости, отчаяния, жажды. Рохо никогда не слышал подобного звука, этой вой пробирает до костей. Зверь скалится и заходит в вое-лае-визге, наскакивая в сторону человека и царапая твердую землю, но не может преодолеть невидимой преграды, будто кто-то держит его на цепи.

А Рохо так и стоит с вытянутой рукой: он понимает, что происходит нечто такое, чего быть не может. Эфф — молчаливая смерть — ведет себя как глупый цепной пес, увидевший кота и не способный его достать. А беглый раб-мальчишка стоит перед чудовищем и не боится... Внутри него покой, уверенность... сила. Он знает то, чего не может знать. Он знает, что эфф не владеет им, как не владеет им и к'Хаэль Оргон. Он знает, что та кровь — его кровь, которую проглотила тварь — не от-

дала Рохо эффу, а наоборот, дала права на эффа ему — беглецу, за которым послали смерть. И еще он знает, что он больше не Рохо, это имя-кличку дали ему те, кто считал себя его хозяевами, и означало оно — «птенец». Его имя — Вирд, этим именем называли его отец с матерью, а оно означает — «летающий».

— Я — Вирд! — заговорил юноша. — Я победил тебя! Ты мой!

Эфф, услышав его голос, вдруг перестал бесноваться и уставился, тяжело дыша, на человека.

— Ты мой! — продолжал Вирд холодным уверенным тоном, тоном не беглого мальчишки-раба, а облеченного властью мужчины. Часть его считала этот тон таким естественным, таким правильным, а часть не понимала, откуда это взялось. — Та кровь — моя кровь, что внутри тебя, сделала тебя моим! Ты повинешься мне, Угал!

И эфф понял, его пасть захлопнулась, глаза как будто потухли, уродливое тело расслабилось, и кожистые складки обвисли. Зверь лег на землю, положив громадную голову на сложенные передние лапы, и тихонько заскулил. Он не был похож сейчас на чудовище, на смерть и ужас многих поколений рабов. Это был прирученный пес, послушный и не опасный, ждущий приказов. Огромный Угал повиновался ему...

Эффы никогда не вели себя так, они не были домашними животными, преданными хозяину, привязанными к человеку. Они были смертью на поводке, оружием, карающим мечом, ножами которому служил ошейник. Только благодаря специальному ошейнику эффы повиновались. Эфф без ошейника — смерть не только для рабов, но и для всех, кто окажется рядом. И даже тому, чьи руки ухаживали за зверем, кормили его, в этом случае не удавалось избежать его клыков. При рождении на эффа надевался ошейник, впивающийся тонкими иголочками в плоть твари. Этот ошейник не смел снимать никто, пока эфф жив, а после смерти он обязательно уничтожался. Если бы раб предъявил ошейник эффа как доказательство свободы, это означало бы лишь то, что он убил зверя. Никто не мог продать рабу ошейник, и никаким другим способом его нельзя было получить. Поэтому закон свободы за ошейник эффа и существовал.

Вирд опустил руку; воздух, пропитавшийся его силой и уверенностью, звенел вокруг него. Юноша спокойно, не спеша, абсолютно не чувствуя страха, подошел к смирно лежащему

зверю, наклонился и недрогнувшей рукой расстегнул и снял громадный ошейник.

Когда Вирд распрямился, эфф посмотрел на него и тут же отвел взгляд. На миг юноше показалось, что в глазах твари промелькнули радость и благодарность.

— Вернись к Оргону! — скомандовал Вирд тем же твердым уверенным голосом, не допуская и тени сомнения, что тварь не послушает его. — И не смей убивать человека, если встретишь! И впредь ты не убьешь человека, Угал!

Эфф встал на могучие лапы, отвернулся и рысью побежал в сторону хозяйского дома, а Вирд стоял и смотрел, пока зверь не исчез из виду за поворотом пыльной тропы.

Когда эфф ушел, Сила, растекшаяся вокруг, стала вновь сворачиваться и сплетаться в тугой узел. А тело и разум лишились недавних уверенности и спокойствия; глаза Вирда расширились в ужасе от осознания того, что произошло, тело забила дрожь. Он почувствовал такую слабость, что не смог удержаться на ногах и рухнул на сухую землю. На лбу его, ладонях и ступнях выступил холодный пот. Несмотря на полуденное солнце и жару, ему было так холодно, будто он очутился в ледяной далекой стране, из которой родом Марз; северянин говорил, что там можно замерзнуть насмерть...

Тело Вирда сводили судороги, дрожь не прекращалась, голова стучала об иссохшую землю, правая рука сжимала ошейник эффа. Смертельный холод сменился неистовым жаром: казалось, он сгорает в ярком пламени, затем вновь задрожал от холода и снова от жара. Разум затуманился, сознание провалилось в темноту, и из этой темноты то и дело вырывались образы: его бег по раскаленной земле, эфф, настигающий его, красный ошейник в руке. Он падал в бездну...

Рохо разговаривает с плачущей Михи. Она очень слаба после родов, и ей так жаль своего ребенка, которого забрали. Юная, красивая, со светло-русой до пояса косой, в белом потрепанном платье. Рохо пытается найти слова утешения, сказать, что все будет хорошо, но он знает, что не будет... Михи тоже знает. Михи ушла в свой темный барак, где ночевали на соломенных тюфяках рабыни, а Рохо остался сидеть под деревом — Деревом Размышлений. Это дерево многое повидало. Сколько поколений рабов находило тень под ним, сколько

умирало прямо под ним, сколько рождалось... Сколько всего передумали рабы, сидя вот так, как сейчас сидит Рохо... «Я не могу здесь, я убегу», — думает он.

Колени жгут сухая земля и впившиеся в кожу камни, солнце раскалилось и немилосердно палит непокрытую голову. Он плачет, обхватив руками застывшее в скрюченной позе и уже холодное мертвое тело Рулка. Надсмотрщики ругаются, поминая эффов, мать Рохо, проклиная его самого и требуя от Сибо и Майшаса оттащить труп на пустырь. Но рабы не смеют тревожить Рохо в горе.

Инал нежно берет его за плечи:

— Пойдем, Рохо, пойдем... Он умер.

«Я не останусь здесь! Я не могу остаться здесь... Мне нужно бежать... Мне нужно уйти отсюда!»

Вирд вновь чувствовал свое тело, оно болело и дрожало, невидимые иглы впивались в виски, и образы, образы прошлого, настоящего, существующего и несуществующего, метались в его разуме, как языки пламени в костре.

Вирд сидит на коленях у мамы. Она улыбается; у нее добрая улыбка, теплые руки, через плечо перекинута толстая темная коса. У висков волосы выются, и похожие на пружинки локоны закрывают уши. В ушах длинные сережки с сияющими мягким светом синими камнями.

— Ты закончил? — нежно спрашивает мама у отца, склонившегося над рабочим столом. Он озабочен чем-то и хмурится. Улыбка покидает губы мамы, и складка пролегает меж ее бровей. Вирду не нравится это, он тянется, чтобы расправить складку.

Наконец отец, улыбаясь, встает и подходит к ним, и хмурое выражение исчезает с маминого лица.

Вирд счастлив.

Он победил эффа... Или это только приснилось ему. Он очень болен. Лихорадка одолела. Наверное, перегрелся на солнце, убегая. Наверное, все привиделось... Эфф, покоровшийся и не тронувший его. Ошейник, снятый с живого зверя... Все привиделось... Это из-за болезни. Сейчас тварь за ним придет. А он не сможет даже взглянуть на нее. Он так болен...

Все перемешалось. Вирд бредил. Образы мелькали с неистовой быстротой. Один сменялся другим. И Вирд уже не знал, где ложь, а где правда. Где прошлое, где настоящее, а где то, чего еще не было.

Теплая, пропитывающая все его существо любовь мамы и отца. Их лица, их привычные жесты. Комнаты его дома, где он провел детство.

Гнетущий страх, обиды и утраты в рабских бараках. Голоса и смех его друзей-рабов. И их крики боли... их плач. Голова Тшагаса в руках зрителя эффов. Исполосованная спина Ого. Плачущая Мии. Истерзанный Марз. Мертвый Рулк...

Визг побежденного зверя. Торжество силы и осознание победы. Ошейник эффа в руках. Промелькнувшая в глазах чужовища благодарность.

Сияющий престол. Скипетр в руках Вирда. Он никогда раньше не слышал этого слова, но знал его значение и знал то, что этот синий прозрачный скипетр со светящимися, вырезанными на нем символами означает сосредоточение невиданной власти и силы.

Вирд посреди огромного зала. С потолком выше, чем Дерево Размышлений. Вокруг него стоят люди в длинных синих одеждах, перехваченных золотыми поясами. Это сильные мужчины и красивые женщины, не старые и не юные, в самом расцвете сил. Их глаза искрятся мудростью, на головах кожаные повязки с начертанными символами, такими же, как на скипетре, только разными у всех. Вирд понимает, что означает каждый символ, но не может осознать, запечатлеть в памяти.

Битва. Воинские крики. Лязг доспехов и оружия. Свист стрел и арбалетных болтов. Треск молний. Яркие-яркие вспышки то тут, то там. Враги, прорывающиеся сквозь строй солдат. Враги-нелюди, огромные, с холодными жестокими глазами. Они упиваются убийством и смертью.

Его друг Ого, повзрослевший, облаченный в доспехи, со шрамом на щеке и мечом в руке, такой же рыжий и улыбающийся во весь рот. Рядом с ним девушка, красивая и черноволосая, как Михель, только не она; девушка стреляет из лука и без промаха бьет прямо в глаз твари в переднем ряду.

Вирд поднимает руки к небу и что-то внутри расправляет, наполняет его: спокойствие, торжество, восторг, победа...

И темнота... Тело Вирда перестало бить дрожь, он расслабился и забылся во сне.

Куголь Аб

Куголь Аб, старший смотритель над эффами у к'Хаэля Оргона, стоял на площадке перед помостом, облаченный в свою служебную одежду, которую полагалось надевать в час, когда настигали беглеца: красная кожаная безрукавка, красная шелковая рубаша с широкими рукавами, черные мешковатые штаны, заправленные в высокие сапоги, на голове повязка из куска красной кожи и на шее черная кожаная полоска, в правой руке плеть, а в левой — лакомство для эффа: широкая чаша с кровью.

Куголь Аб знал, что его эфф уже близко. Его люди, младшие смотрители, видели возвращающегося с охоты зверя издали и тотчас подали условленный знак при помощи дыма. Этот обычай оповещения о возвращении эффа давал возможность старшему смотрителю как следует подготовиться к церемонии. И хозяин, не утруждая себя долгим ожиданием на помосте, оказывался в нужное время в нужном месте и в присутствии многочисленных зрителей-рабов принимал от эффа свежую голову беглеца.

Хотя Куголь Аб уже так давно был смотрителем эффов, изучившим привычки и поведение своих питомцев, что не нуждался в специальных сигналах, а лишь подстраховывался. Он и так знал, сколько времени потребует его лучшему эффу Угалу для того, чтобы добыть голову безоружного мальчишки-беглеца.

Эфф полностью оправдал его ожидания и возвращается еще до темноты. К'Хаэль вышел на помост и уселся в специально приготовленное для него кресло в тот миг, когда фигура зверя замаячила вдалеке на дороге, просматривающейся с площадки для церемоний. Рабы здесь уже давно. Они стоят, понуро опустив головы. Они прекрасно знают, что увидят сейчас. Но они должны это видеть. Глупый мальчишка Рохо — думал, что его бегство что-то значит. Всегда находятся такие глупцы, как он, несмотря на церемонию «суда эффа» каждые три года; но это хорошо, это не дает потерять сноровку его эффам.

Жаль только, что хозяин настоял, чтобы он послал лучшего своего эффа — Угала; Куголь Аб считал, что для поимки мальчишки — худого, полуголодного и измотанного, можно было использовать какого-нибудь молодого эффа, чтобы натаскать зверя. А Угал уже и так достаточно опытен. Но к'Хаэль Оргон

очень зол на этого Рохо. Он пожелал голову мальчишки еще до заката. И он ее получит.

Когда Угал приблизился, холодок пробежал по спине Куголя Аб — на мгновение ему показалось, что зверь ничего не несет в зубах. Но только показалось, такого не могло быть. Если бы он послал молодого эффа, то маленькая вероятность его провала и существовала бы, но не с Угалом.

Солнце приблизилось к закату, однако было еще достаточно светло, и эфф был уже достаточно близко, чтобы можно было разглядеть — он действительно ничего не держит в зубах! Неужели он сожрал голову раба?! Нет... такого не случилось ни с одним эффом, даже с очень голодным, а Угал голодал только один день, и то не полный, пока не настиг мальчишку.

Куголь Аб сжал челюсти. Эфф подошел к помосту и сел, глядя на хозяина; он не положил перед ним голову, как полагалось. Оргон пронзил взглядом старшего смотрителя, и тот едва не потерял самообладание. Он приблизился к эффу, заглядывая в пасть — не прячет ли зверь трофей там?

Измученный шепот волной прокатился в толпе рабов.

Куголь Аб склонился над Угалом и тут же отпрянул в ужасе — эфф был без ошейника!

Старший смотритель закричал охране, чтобы они уводили хозяина. Эфф без ошейника — то же, что стрела, нацеленная в голову господина. Ряды телохранителей сомкнулись, закрывая собой Оргона. Он поспешно встал с кресла и скрылся в доме. Тут же появился на балконе, откуда мог видеть и слышать все происходящее, но быть в безопасности от зверя.

Рабы заволновались еще больше, некоторые не выдержали и побежали назад, к баракам. Люди напряглись в ожидании, когда зверь войдет в неистовство и начнет убивать всех вокруг. Первым будет, конечно, Куголь Аб — если зверь не убьет его, то его ждет гораздо более мучительная и долгая смерть от рук палачей хозяина, за то, что не исполнил порученного дела и более того, подверг опасности своего к'Хаэля.

Куголь Аб не понимал. КАК? Как эфф оказался без ошейника живым? Это было еще более невероятно, чем если бы мальчишка убил эффа. И притом не какой-нибудь нечистокровный, или из негодного помета, или слишком молодой зверь, а Угал — проверенный, принесший не одну голову на службе у Оргона (два раза участвовал зверь в «суде эффа», а уж сколько

беглых рабов, пытавшихся в глупой беспочвенной надежде или просто в отчаянии уйти от судьбы, он настиг за эти годы!)

Может, он стал слишком стар, его Угал? Но нет, ему только десять лет — середина жизни и расцвет сил для эффа. Он лично отследил родословную Угала, наблюдал за его рождением, выбирал его из всех щенков, тренировал. Как могло это надежное оружие дать сбой, как он мог подвести?! Куголь Аб прожил на свете пятьдесят лет, и с самого своего детства он занимался эффами: его дед был смотрителем, его отец был смотрителем, он стал старшим смотрителем в двадцать лет. И никогда Куголь Аб не слышал о подобном случае, не слышал ни от отца, ни от деда.

— Что это значит, Куголь Аб? — раздался с балкона гневный голос к'Хаэля Оргона.

Старший смотритель упал на колени рядом с эффом, ожидая, что зверь избавит его от необходимости подыскивать слова оправдания. Но Угал сидел смирно и не собирался его убивать.

Куголь Аб вздохнул и заговорил:

— О великий к'Хаэль Оргон! Я и мои предки служили твоему роду многие годы, служили верой и правдой. И этот самый эфф — Угал, бывший моим лучшим зверем и бивший до сих пор без промаха. Никогда я не слышал о том, чтобы эфф остался живым без ошейника. Даже смотритель не смеет снять ошейник со зверя, пока тот жив. Все это знает мой господин. Если бы на этом месте был не Угал, а другой эфф, я бы сам просил суда за свою ошибку у тебя, о великий к'Хаэль! Но здесь я не вижу другого объяснения произошедшему, как только вмешательство враждебных и могущественных сил. Сил, о которых я не знаю ничего и не могу знать. Разве способен мальчишка снять ошейник с ЖИВОГО эффа? Я слышал, что в древности были в Аре Мудрецы, которые и создали эффов, и эти Мудрецы могли совершить подобное... только они...

— Что ты хочешь этим сказать? — процедил Оргон сквозь зубы, заиграв желваками.

— О, мой господин, я лишь хочу сказать, что, возможно, у тебя, великий к'Хаэль, появились очень могущественные враги!

Повисла тишина. Оргон был не глуп, далеко не глуп. И про эффов он знал немало. Он задумался над словами Куголя Аба.

Глава 2

БУРОН

Вирд

Вирд, свободный Вирд — не раб Рохо! — шел по пыльной тропе, ведущей к Бурону; эта тропа петляла, то приближаясь к небольшой обмельчавшей от жары речке Кай-Кэ, то уходила в глубь рощицы, росшей на берегах. Идти было легко и приятно, с речки ветерок доносил свежесть воды, а деревья давали густую тень.

После той странной болезни Вирд проснулся полностью отдохнувшим и свежим, так хорошо выспаться ему ни разу не удавалось в рабстве, он ложился слишком поздно, а вставал слишком рано. Голова соображала ясно, и на душе было спокойно. Только есть хотелось так, будто он не ел уже дня три, не меньше. А сколько на самом деле? Он помнил, что ужинал вечером перед побегом, убежал он ночью и бежал весь остаток ночи и первую половину дня, пока его не настиг эфф. Сколько он валялся в беспамятстве и сколько спал потом, Вирд не знал. Когда он открыл глаза, солнце тяжело выкатывалось из-за горизонта, и жара еще не успела раскалить землю.

Да, он должен был уже почувствовать голод, привычный для раба, только этот голод был сейчас намного сильнее, чем когда-либо, даже тогда, когда его посадили под замок без воды и пищи на трое суток за то, что воровал булочки у поварихи. Точнее, не он воровал, а Ого... Но Ого он не мог оставить одного отдуваться за проступок.

После пробуждения Вирд направился на восток, прямо к светящему в глаза солнцу. Он знал, что где-то там, на востоке, течет Кай-Кэ, он также знал, что если идти вдоль реки на юг, то рано или поздно придешь в Бурон — небольшой городок, столицу Северной провинции.

Вирд спустился к реке, сорвал несколько стеблей съедобного тростника и с наслаждением долго жевал его сладкую мякоть. Во рту стало приторно, но в животе уже не было так пусто. Здесь же он поймал несколько рыбешек при помощи рыболовных снастей, которые всегда таскал с собой. Эти снасти он иногда пускал в ход, оказавшись на берегу Кай-Кэ — там, позади, на севере, во владении к'Хаэля Оргона. Там река была намного шире, и рабам иногда позволялось купаться в ней и рыбачить. Хотя это было давно, еще в детстве; после того как ему

исполнилось двенадцать, его с другими мужчинами отправили на работы на полях, располагавшихся далеко от реки. Нехитрые снасти — костяной крючок и длинную тонкую, но прочную нить, — изготовил для него и для Ого старик Рулк... это все, что осталось от старого раба...

Благодаря Рулку, Вирд умел обращаться с удочкой, и потому у него был обед. А вот огня Вирд развести не мог и сжевал рыбу сырой, лишь подсолив немного. Соль также всегда была с ним, каждый раб получал в новую луну небольшой мешочек и носил притороченным на поясе. Рабы все ели с солью: лепешки, которые раздавали в обед, съедобные листья и стебли, которые находили во время работы на полях. Некоторые даже сладкую мякоть тростника подсаливали.

Уняв немного голод, Вирд направился вдоль реки к городу. Ошейник спрятал за пазухой. Он предъявит его прямо на воротах — и все узнают, что он свободный человек, он войдет в Бурон Вирдом, а не Рохо! Только план этот, казавшийся поначалу таким правильным и соблазнительным, тем больше тревожил Вирда, чем больше он о нем размышлял.

Действует ли закон в том случае, если эфф останется жив? Не может ли хозяин опять предъявить права на него из-за того, что эффа он не убил?

Вирд смутно осознал, что Оргон не простит ему — Вирду, то, что он сделал. Не простит побег и снятый ошейник — ведь теперь вся округа будет потешаться над Оргоном из-за того, что его эффы никуда не годны. А этого Оргон уж точно не стерпит.

Вирд не раз слышал, как рабы и надсмотрщики говорили между собой о безупречных эффах хозяина. Его звери — лучшие во всей Аре, все чистопородные. И их зрители тоже лучшие, бывшие зрителями несколько поколений. Все ошейники для эффов Оргона изготавливались мастерами из столицы Ары по древней технологии, разработанной еще создателями эффов.

Юноша не знал точно, что произошло и как ошейник оказался в его руках. Как зверь покорился ему? Была ли то ошибка создателя ошейника, или какой-то недостаток в крови эффа, посланного за ним, или неверные действия зрителей, натаскивающих зверя, или — самое невероятное — сила самого Вирда? Но он знал, что Оргон так просто не оставит этого случая, это дело чести для него.

Если учесть еще и то, что Оргон получает немалый доход от торговли эффами, и его эффы стоят дороже других именно благодаря их безупречной репутации, то у Вирда остается мало шансов просто так выбраться из этой передраги.

Но он ведь остался жив... А это главное.

Вирд приближался к городу. Он уже бывал здесь пару раз, тогда, когда лет в девять служил кухонным мальчиком и помогал дородной поварихе Каси, которая иногда вместе с другими рабами и свободными слугами ездила в город за покупками для пополнения запасов.

Кое-что Вирд помнил об этих поездках, и одно из воспоминаний — то, что раба, спешащего по делам к'Хаэля, в Буроне никто не проверял и не задерживал, достаточно было назвать свое имя и имя хозяина. Хозяевам не требовалась помощь стражи и властей, чтобы возвращать своих беглецов, для этого у них были эффы и страх перед теми. Эфф находил свою жертву не только в поле, но и в городе. Он мог войти в полное людей помещение и не тронуть никого, кроме раба, за которым послан.

Были случаи, когда эфф прогрызал дверь, за которой прятался беглец, делал подкоп в подвал, в котором пережидал раб, вырывался в дом и поднимался по лестнице в самые верхние комнаты. Зверь чувствовал того, за кем послан, каким-то непостижимым образом, и след обреченного не мог затеряться даже в огромной толпе.

Вирд не будет показывать ошейник. Пока не будет... Разве что другого выхода не останется. Он должен раздобыть припасы, новую одежду и отправиться на север. Больше всего он хотел покинуть Ару. Вирд не знал, где родился и где был его дом. Он только чувствовал, что не в Аре. Эта проклятая страна не могла быть его родиной. Это была страна его рабства. Поэтому он уйдет.

Тропинка все больше и больше отклонялась от реки и вскоре выскочила на широкую, истоптанную множеством ног, изрытую колесами повозок и копытами лошадей дорогу. Это дорога сизой лентой вилась с северо-запада к северным воротам Буруна.

Вдалеке виднелись стены города. Сложенные из ровных желтых кирпичей, высокие и широкие, эти стены хорошо защищали Бурун. Огромные дубовые ворота, укрепленные железом с внутренней стороны, были открыты, а кованая решетка

поднята. Было уже достаточно поздно, и поток пришедших и приезжих истончился, превратившись в ручеек: одинокие повозки, несколько пеших путников.

Вирд успокоил лихорадочно забившееся сердце и уверенно направился к воротам города, стараясь не прижимать руку к груди, где был спрятан ошейник эффа — его право на свободу. Стражник равнодушно взглянул на него, определив по одежде и по босым ногам, что тот раб, и лениво спросил:

— Чей?

— К'Хаэля Оргона, — выдавил из себя Вирд опостылевшее слово — к'Хаэль — хозяин. Неразумно было называть имя Оргона, но имен других господ Вирд не знал, а назвать выдуманное не решался, ведь имена всех окрестных рабовладельцев страж должен был знать на память.

— Имя, — вяло потребовал стражник.

— Косо, — ответил Вирд без запинки, называть свою настоящую кличку, какую он носил у хозяина, он не стал, как и показывать ошейник; может быть, благодаря этой уловке его найдут не сразу...

— Проходи, — позволил стражник, внося имя раба и к'Хаэля в специальную книгу.

Вирд выглядел как раб в своей льняной грубой рубаше, подпоясанной конопляным шнуром, в укороченных широких штанах, босой, с растрепанными до плеч, неровно обрезанными волосами. Он и вести себя должен как раб. Идти спокойно к рынку, как будто за покупками для хозяина.

Ноги шли сами, но куда именно? Юноша плохо помнил дорогу к рынку, а других частей города и вовсе не знал. План Вирда себя исчерпал. Когда он решился бежать, то не мог и предположить, что окажется в Буроне, да еще и не преследуемый эффом. Что делать, когда он доберется до рыночной площади? Что дальше?

До торговых рядов буронского рынка он все-таки добрел, следуя широкой главной улицей города, по которой размеренно текла толпа. И... так и остановился посреди площади. Зазывалы кричали вокруг, кто-то торговался, кто-то извергал непристойные ругательства, кто-то кашлял, какой-то ребенок плакал. Толпа гудела, как пчелиный рой. И суетилась, как муравьи в муравейнике. Вирд растерянно оглядывался по сторонам. Возле него оказался неряшливо одетый человек, прищуренно разглядывая его и сально улыбаясь, его глаза шарили по

Вирду, по его одежде, и юноша понял, что человек определяет, где у него спрятан хозяйский кошелек. Вирд заставил себя не потянуться к ошейнику — единственному своему сокровищу.

— Я могу тебе помочь, — неприятным голосом прогнусавил человек, — я тут все знаю.

Если сказать, что ему нужно кое-что купить, то этот тип убедится, что у Вирда есть деньги, и ни за что не отстанет. Не отстанет и если Вирд скажет, что его помощь не нужна.

— Помоги, — ответил юноша, глядя прямо на мошенника. — Мне нужно передать послание. Только денег у меня нет совсем...

Человек еще раз оглядел его, словно решая, что он сможет получить с раба-простака и его послания, а затем исчез, растворившись в толпе.

Парень протискивался меж потных от жары и тесноты людских тел и оглядывался вокруг. Желудок его, который, как думал Вирд, он успокоил рыбой и тростником, свело от аппетитных запахов жарившегося на вертелах мяса, свежего хлеба и пирогов, ароматных персиков и дынь. Сейчас хотя б маленькую лепешку... Жареные утки. Густой, стекающий по сотам мед. Огромная виноградная гроздь, с ягодами почти с детский кулачок. Сыры, разложенные на прилавке, множество, множество сортов. Яства, названия которых он и не знал, приправленные одурманивающе пахнущими травами.

Вирд зажмурился и потряс головой. Он резко развернулся и пошел в сторону, противоположную раскинувшимся прилавкам со съестным. Куда-нибудь подальше... Хоть к тканям, хоть к сбруе, хоть к оружию, но только подальше от еды. Запахи гнались за ним следом, хватали и сводили судорогой его неистово бурчавший живот. А Вирд убежал, как от эффа, от этих аппетитных ароматов.

В толпе все толкались, толкался и он, не глядя, кто перед ним: свободные ли, рабы или благородные. Он как пробка из бутылки вылетел на площадь, не такую людную, как та, что осталась позади, и едва не наскочил на богато одетую женщину, в последний момент остановленный ее телохранителями. Расширившимися глазами Вирд рассматривал благородную, которую едва не сбил с ног: невысокая, пышногрудая, красивая, с густыми, завитыми в локоны золотистыми волосами, уложенными в замысловатую прическу, в зеленом шелковом платье, расшитом жемчугом; на шее золотое ожерелье с желты-

ми сверкающими камнями, на руках такой же работы браслеты и длинные серьги в ушах. Карие подведенные глаза женщины с длинными ресницами хищно рассматривали Вирда, скользили по его лицу, плечам, ногам.

Вирд опомнился и склонился в поклоне. Это была благородная. А таким он должен был кланяться, независимо от того, раб он еще или уже нет.

— Славный мальчик, — заговорила женщина глубоким томным голосом, и хотя Вирд не видел ее лица, он знал, что она улыбается. — Ты раб? Чей?

— Оргона... — прошептал Вирд, не успев прикинуть, правильно ли он сделал, назвав настоящее имя своего бывшего хозяина.

— А-а-а... — протянула женщина задумчиво. — Этого старого надутого павлина, кичащегося своими эффами... Не уверена в эффах — мои лучше, однако рабы у него славные. Такие крепкие и красивые. Пожалуй, я куплю тебя. Ну-ка, подними голову, хочу получше рассмотреть твоё лицо, действительно ли оно такое смазливое, как мне показалось поначалу. Да... Я точно куплю тебя. Как тебя зовут? — спросила госпожа, вглядываясь в лицо Вирда, и тот еще раздумывал, что ответить, когда услышал громкий знакомый голос:

— Рохо! Как ты здесь оказался?!

Взгляд Вирда метнулся в сторону говорившего: высокий рыжеволосый парень проталкивался сквозь строй телохранителей госпожи и нагло приближался к нему, не обращая внимания на благородную. Это был Ого: он стал, казалось, еще более высоким, раздался в плечах, он был одет намного, намного лучше, чем Вирд: в черную, кажется, шелковую, расшитую желтыми нитями длинную тунику и свободные желтые шаровары. Вирд не видел друга уже больше года, и от прежнего Ого остались только огненно-рыжая шевелюра и улыбка на все лицо. На щеке друга красовался шрам, такой же, как он видел в бреду, и осознание этого еще больше сбilo Вирда с толку.

«Что он здесь делает?» — проскользнула мысль. Вирд вытаращил глаза, ожидая, что охранники благородной все разом воткнут свои короткие мечи в тело наглого раба. Но они не шелохнулись.

Приблизившись, Ого посмотрел на госпожу, и та, улыбнувшись и проведя нежно рукой по его волосам, спросила:

— Ты знаешь его, Лисенок?